

Капкан

Марго Луря

Марго Лурия

Капкан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70459810

SelfPub; 2024

Аннотация

Одно, всего одно решение может перевернуть целую судьбу, а может, и не одну, но что кроется за жизнью и смертью тех, кто эти решения принимает?

Марго Лурия

Капкан

Грязные от пыли пальцы перебирали пожелтевшие страницы чуждаковатых книг. Дом покойного безумца хранил в себе множество невиданных вещиц, что мог собирать и так трепетно хранить только ненормальный. Но статуэтки древних цивилизаций и черепа проклятых животных меня не заботили. То, что могло мне помочь, я силился найти лишь в обветшалых книгах, страницы которых пугали меня не меньше самого дома. От страха потели ладони и сохло во рту, руки тряслись каждый раз, стоило перевернуть страницу, но после нескольких часов изучения дьявольской литературы я наконец нашёл то, что искал. Ритуал был прост, что вызывало тревогу, но и для него требовались определенные приготовления. Я взял книгу и пару предметов для обряда, остальное оставил на своих местах, дабы не тревожить покой хранителя коллекции.

Здоровый скептицизм всегда отваживал стучать три раза по дереву или бояться черных кошек, но жизнь привела к вере, без которой ты либо сходишь с ума, либо становишься камнем. Я сделал ужасную вещь, которая преследует меня и во сне, и наяву. Я мог бы быть тем, кто не помог старушке или не уступил место ребёнку, пнул собаку или прошёл мимо горящего здания с ведром воды. Но нет, я не такой, я гораз-

до хуже, чудовище, которое погубило огромное множество жизней. Не злодей, но монстр, и руки мои разъедает невидимый слой крови и слез. Но я не мог уже ничего исправить, и оставалось лишь платить.

Простота ритуала наводила на мысль, что вызвать жилищника и решить элементарную проблему в доме гораздо сложнее, чем продать душу. Смеяться или плакать было непонятно, в любом случае, это уже не моя проблема. Пара слов, значение которых я не понимал, пара взмахов пером, пара вспышек света и по комнате, что я уже не считал своей, а лишь декорацией к спектаклю, стал распространяться дым. Запаха гари я не ощутил, но воздух стал густым и тяжёлым, отчего невольно закашлял, пытаюсь выровнять дыхание.

Дым рассеялся, и передо мной предстало нечто. Высокое и тощее существо с вытянутой мордой, как у собаки, и красными глазами смотрело на меня, так же пристально, как и я на него, словно для обоих эта встреча была неожиданной и нежеланной. Его кожа в темноте лоснилась как шёлк, кости выпирали на каждом изгибе тела, а кривые ноги гнулись в обратную сторону. Я вглядывался в кровавые глаза, пытаюсь обнаружить кого-то на том конце, но существо молчало, недвижимым взглядом читая меня, как простую открытку.

– Я хотел бы... – не успел я договорить, как горло стянуло от сухости, а голос пропал.

– Ты хочешь продать душу. – закончило за меня существо. Его голос был очень тих, но каждое слово ощущалось будто

внутри меня самого. – Люди всегда к чему-то стремятся, но не каждый в силах этого достичь, и тогда особенно находчивые идут ко мне. – он стал расхаживать по комнате, оглядывая скопившийся на полках хлам: старые книги, фотографии, посуду с остатками еды, полные окурков пепельницы – и всё это под огромным слоем пыли, что окутывала целую историю человека, почившего ещё при жизни.

Я всё пытался отыскать свой голос, хотя бы замычать, но от каждой попытки глотку стягивала неведомая мне сила, будто раскалённый сироп застыл тягучей жижей. Ощувив вкус крови, по спине прошлись мурашки, кажется, в ту секунду я умер, ибо ни стук сердца, ни дыхание я больше не чувствовал. Странно, впечатление, будто ни холод, ни жара, лишь лёгкое покалывание в груди, даже одежда не ощущалась на коже, словно я больше не принадлежал своему телу.

– Ты не жаждешь обладать, ты желаешь искупить. – оно обернулось ко мне с интересом, осматривая душу, мне стало щекотно в ушах. – Эта авария ведь не твоя вина? – его вопрос глыбой обрушился на меня, в висках зазвенело, глаза давило желание излить боль, руки перестали реагировать на запросы мозга, сжимая на пределе кулаки так, что образовались искры света, бьющие током. Я снова ощутил свой голос, но сказать уже ничего не мог и, закрыв глаза, начал делать вид, будто дышу.

– Ужасные события, тут не поспоришь, но твоя боль – лишь комплекс выжившего. – голос существа не выражал

никаких эмоций, ему было словно всё равно на меня, на людей, на жизнь и смерть. – пожалуй, этим лучше поделится со специалистом, а не тревожить неведомые тебе силы понапрасну. – он резко отвернулся, видимо, вознамерившись уйти, но я не мог позволить ему, уж точно не сейчас. Какая-то сила, внушившая мне уверенность, заставила найти ритуал, совершить его, и она же даровала мне наглость остановить того, кто был гораздо больше меня.

– Кто ты такой? – вырвалось из дрожащей сухой глотки.

– Сам не знаешь, кого вызвал? – его гнев я ощутил в нижней части живота, жаром разлившейся по телу. – называй меня Гибель. Что ты можешь предложить, понятно, но что же хочешь взамен? Учти, время вспять не возвращается.

Забавно, я даже и не подумал о том, чтобы просто стереть ошибку, как ни в чём ни бывало.

– Возможность. – Гибель широко раскрыл глаза, но, как ни странно, уйти больше не пытался. – Я хочу продать душу за возможность искупить то, что совершил. Я готов выполнять работу. Разную. Готов служить тебе за хотя бы шанс на прощение.

Демон долго не мог оторваться от такого зрелища. Я так и не понял, смеётся он надо мной или восхищается, способен ли он вообще на сочувствие или он лишь холодный инструмент в руках Бога.

– Так что, ты берёшь меня к себе? – спросил я, нагло подняв подбородок – За мою душу.

– Ты ведь даже не знаешь, что тебя ждёт глупец!

– И пусть. Я готов.

– Ты отвлёкся за рулём, разве это первый случай на такой работе? – воспоминания едким дымом ворвались в моё сознание, голову раскалывало от криков и сирен. В видениях я водитель автобуса, единственный выживший после того, как въехал в магазин на полной скорости. Яркие картинки сменяли друг друга, но всё это будто было не со мной, как отрывки из фильма, где главный герой очень похож на меня. Конечно, когда ты водитель всякое бывает, но этого я простить был не в состоянии.

– Нет, но...

– Камер нет, никто ничего не видел, твоя вина не доказана, а люди слишком быстро всё забывают.

– Зато я помню...

– Люди умирают каждый день.

– Так что тебе не нужна ещё одна душа? – я не мог терпеть больше ни секунды.

– Не дерзи мне! – его голос пронзил густой воздух и расколол на две части.

– Прошу... – только и вымолвил я. – Это последняя надежда...

Тело обмякло, готовое упасть на колени, но что-то будто держало его, казалось, воздух был таким твёрдым, что я застрял в нём. Я не был жив и не был мёртв, и слезы не текли, словно даже боль окончилась, оставив лишь нестерпи-

мую пустоту.

– Что ж, я принимаю твои условия. – раздался голос. – Вот тебе мои. Ты будешь работать жнецом смерти, забирать души и переправлять их на ту сторону.

– На ту сторону?

– Ты всё узнаешь. Как только поможешь пятидесяти шести душам, взамен тем, что сгубил, будешь прощён, и я заберу тебя.

– И всё? – удивился я.

Демон недовольно фыркнул, но не ответил, объяснив лишь пару нюансов, он переправил меня чёрт знает куда и спросил:

– Больше ты не сможешь вернуться, ты понимаешь это?

Я кивнул, даже не обдумав его слова, ибо умер тогда вместе с теми, кого погубил. Моя семья, коллеги, моя жизнь перестали существовать в тот самый миг.

Мои чувства вряд ли заботили Гибель, да и сочувствие его я вызвать не пытался, лишь терялся иногда в своей голове, в попытке понять или объяснить происходящее.

Примерив образ смерти, я должен был встречать умерших, рассказывать им о том, что произошло, и провожать в последнее путешествие к покою. Быть эдаким добрым наставником, чтобы в столь важный момент никто из них не был одинок и напуган. Гибель сказал, что очень важно соблюдать дистанцию, но при этом не отстраняться от человека, ведь рождение и смерть – самые важные этапы. И чтобы

всё текло как непрерывная река в огромном круге жизни, необходимо выполнять условия. Он не дал мне инструмент, которым надо пожинать, но дал лист с именами и отправил в путь. Конечно, хотелось бы больше информации в таком-то деле, но выбирать не приходится, учитывая, что это не выходные на природе, а действительно вопрос жизни и смерти.

Моё первое задание было встретить женщину по имени Л. Я концентрировался на имени из списка и точно ощущал, куда следует идти. Я не мог понять, видят меня или нет, но, когда случайно налетел на прохожего, который спокойно прошёл сквозь меня, вопрос отпал сам собой. Чутье привело в городскую больницу, по привычке я побрёл к столу информации спросить, где найти пациентку, но после пары проигнорированных вопросов, вспомнил, что невидим для них, и последовал дальше по коридору.

В палате номер 111 лежала молодая девушка, она крепко спала, её лицо пылало рубцами и синяками, а половина тела перебинтована. На бирке возле кровати было написано неизвестная, но я точно знал, что её звали Л, я чувствовал это. Там же была информация о её травмах, показателях и дата поступления. Это была дата моей аварии. Забыть такое трудно. Почему-то я сразу понял, что она была там. Решил ли продемонстрировать Гибель чувство юмора или же это было испытанием, я думать не стал. Это условие, которое я должен был выполнить и вариантов нет.

Девушка лежала недвижимо, её лицо выражало беспокой-

ство, хотя записи гласили, что она не приходила в сознание. Возможно, её гложили воспоминания в виде снов, а может она понимала, что произошло. Я бы хотел прочесть её, как это делал со мной Гибель, может тогда смог бы лучше подобрать слова.

Я легонько коснулся её руки, и она, раскрыв глаза, в замешательстве посмотрела на меня. Испуг сменился озадаченностью, она привстала, и я увидел, что её тело осталось лежать на кровати, а сидит поверх полупрозрачная субстанция, по форме точь-в-точь тело. Л ничего не поняла и тянула онемевшие конечности после долгого сна, а я замер от лицемерия того, что переварить пока был не в состоянии. Тем не менее, пугать её не следовало, а значит я должен был реагировать спокойно. Я взял себя в руки, сделал вид, что вздохнул, и произнёс её имя так, чтобы она его услышала, но не нарушая тишину.

– Л, вы помните, что произошло?

Она нахмурилась как ребёнок, что пытается решить загадку.

– Кажется, я попала в аварию. Я ехала на работу. А потом бац, и всё, ничего толком не помню, всё так быстро произошло. – она взглянула на меня, и, по-видимому, мой вид её обеспокоил. – А что на самом деле случилось?

Я хотел подобрать правильные слова, чтобы она не нервничала и не пугалась, но с дуру кинул взгляд на её тело, она проследовала за ним и оцепенела. Увидеть себя прямо перед

собой, пожалуй, самое страшное. Я думал, она станет кричать, но Л лишь застыла, пристально вглядываясь в закрытые веки, словно молила про себя, чтобы тело их хотя бы приоткрыло. Но чудо не произошло, и Л повернула голову ко мне.

– Я умерла. – это был не вопрос, но и на утверждение не было похоже, скорее, предположение, которое ты произносишь, в надежде оказаться неправым.

– Вам страшно? – только и выдавил из себя я, оцепеневший от её отчаяния.

– А должно быть?

– Нет, вам ничего не грозит.

Она усмехнулась, но на лице не мелькнула улыбка, а взгляд застыл где-то в пространстве.

– Уже точно.

Я не хотел говорить ей правду, но молчание губит хранителя тайны, и я набрался смелости произнести.

– Вы должны знать ещё кое-что. – моё тело, которое я уже не чувствовал, будто всё ещё пыталось тянуть меня и сопротивлялось, но я закрыл глаза. – Это я вас убил...

– Что? Как? Это была не авария?

– Авария. За рулём автобуса был я. Это моя вина.

– Судя по всему, вы тоже умерли, так что какая уж теперь разница.

– Мне жаль...

– Да, мне тоже... – после паузы, затянувшейся на целую вечность, она неуверенно спросила – И что дальше?

– Я провожу вас, туда, где вам будет хорошо.

– Почему именно вы?

– Так решила судьба.

Я дал ей время прийти в себя, хоть и не знал, было ли оно у нас. Как человек, встретивший свою кончину иначе, я всё же понимал, каково это проснуться вот так. Л ещё долго стояла у своей постели, словно до последнего хотела проснуться от кошмара. Но когда она поняла, что реальность ныне такая, то тихо произнесла – Я готова – и утирая глаза, на которых не было слез, подошла ко мне.

Я протянул ей руку, полагая, что так будет комфортнее, ощущать кого-то рядом, но она не ответила мне взаимностью, и мы последовали по последнему пути молча и одиноко.

Свет вокруг нас устремился в одну точку впереди, образовав что-то вроде коридора, ведущего куда-то, я почувствовал тягу к тому месту. Может это и был рай. Я следовал вперёд, ощущая нестерпимое желание обнять Л и поделится с ней этой тягой, но она шла отстранённо.

– А что, если мы не пойдём туда? Такой вариант есть? – внезапно спросила Л, нарушив тягостную тишину.

Я растерялся, Гибель не то, чтобы инструктировал меня о форс мажорах, он и дельной то информации не так много дал, сказал лишь, что сам всё пойму по ходу дела, при этом не уставая напоминать о важности правил. Я вспомнил его "добрым" словом, но тут же осёкся, полагая, что он всё ещё

где-то рядом и проверяет меня.

– Я не знаю. – лишь ответил я – Но идти мы должны.

– Должны? – не унималась девушка – Почему?

– Разве вам не хочется покоя? Разве это – не лучший конец? Вокруг этого построена вся жизнь, религия, чтобы стремиться к лучшему концу.

Л недовольно фыркнула.

– Моя жизнь уже ни к чему не стремится, как вы видите. Да и на религию сейчас рассчитывать не приходится. Так и зачем мне идти? Что там? Почему вы не говорите толком?

– Я и сам не знаю, что там.

Л резко остановилась и развернула меня к себе, преградив путь.

– Тогда давайте не пойдём.

– Вам страшно, я понимаю, – я сжал её руку. – но здесь нет ничего и никого, и никогда не будет, и вас не будет.

– Вы решили за меня, когда мне умирать, хотя я могла прожить ещё долгую жизнь. И не вам решать, где мне встретить конец. – девушка бросила мою руку и устремилась прочь от света.

– Я виноват и хочу помочь – я кричал ей вслед в надежде хоть как-то спасти ситуацию, но тщетно, она лишь больше злилась.

– Помочь? Кому, мне? Или себе? Я вас не просила.

Через пару мгновений я перестал видеть её силуэт, но долго продолжал искать его глазами. Катастрофа. Что же было

делать? Теперь её душа проклята? Я обрёл её на вечные страдания? Почему я не могу никого спасти?

За моей спиной заискрился воздух, уши наполнил звук жужжания или гудения, я обернулся и увидел Гибель. Его взгляд по-прежнему ничего не выражал, а кожа под прерывистыми лучами света приобрела сияние, отчего глаза слегка заболели.

– Я не справился. – выложил я, потирая глаза, хотя понимал, что он не просто так явился.

– Может да, а может нет.

– Как это понять?

– У тебя есть задание, ты его выполняешь, ты должен помочь людям перейти. Но ты не можешь решать за них.

– Но разве условием было не перевести душу?

– Тебе что, мало было ответственности за себя, ты решил брать её за всех подряд?

– Нет, но... кто-то же должен её нести.

– И это обязательно ты?

– Очевидно, я не справился ни с жизнью, ни со смертью.

Я сдаюсь!

– Пути назад нет.

– Я не выполнил условия, моя душа отныне мне не принадлежит. Что дальше, ад?

– Ад не так страшен, как твои муки совести. Но ты прав в том, что твоя душа не в твоей власти. Я её хозяин, а значит ты продолжишь дело, порученное тебе.

– Но почему?

– Потому что я так хочу.

Он исчез, а я взглянул на список, где внимание привлекло следующее имя. Н.

Хоть я и предпочитал, по старой памяти, ходить по дорожкам и лестницам, чтобы попасть в квартиру к следующему имени, мне пришлось преодолеть стену. Войдя в квартиру, я обнаружил ужасный погром, будто здесь орудовала банда грабителей, везде были осколки и кровь, а воздух, казалось, вибрировал от недавней перепалки. Пройдя чуть дальше, я замер, среди гостиной лежали тела двух молодых людей, девушка была застрелена в живот, упав она разбила стеклянный кофейный столик, её голова была повёрнута в сторону от происходящего. А ближе к выходу, лежал парень, его голова была пробита пулей, а в руке виднелся пистолет. Среди чётких линий материального мира не сразу обращаешь внимание на полупрозрачных призраков. Над девушкой сидело очертание парня и, тихо похлопывая, по старой привычке, звало девушку по имени, моля повернуть голову к нему. Он как одержимый пытался схватить её, но руки проваливались сквозь тело, отчего он ещё больше сопел.

– Н? – окликнул я его, боясь сделать шаг вперёд.

Но парень словно не слышал, продолжая преодолевать преграды. Превозмогая страх неудачи и ещё камня от увиденного, я подошёл почти вплотную к дрожащей душе и опустился на колени перед ним так, чтобы он увидел меня.

– Эй, Н.

Он поднял глаза и, скривив лицо в тисках боли, прокричал:

– Я не хотел этого делать!

– Знаю. – прошептал я голосом полным сочувствия.

– Я... я говорил ей, не надо... я просил... она не оставила мне выбора.

– Нам нужно идти.

– Куда?

– Туда, где будет спокойно.

– Она будет там?

– Я не знаю.

– Я лишь хочу, чтобы она снова посмотрела на меня. Хоть разок.

Его лицо, вернее сказать, выражение лица наполняло ужасом моё уже мёртвое сердце. Я никогда не видел столько боли и отчаяния в одном человеке. Невольно я подумал о том, как похожи наши ситуации. Я тоже не хотел, чтобы так случилось, но, как ни крути, именно я был виноват. Глядя на Н, всё чего мне хотелось, это взять пистолет и оказаться там, где должен был. Решение об искуплении было эгоизмом, всё, чего я заслуживал, это вечные муки моего личного ада.

Будучи бестелесной сущностью, вариантов покончить со всем было не то, чтобы немного, и я решил просто отправиться вслед за Н. Но, когда мы дошли до манящего света, он исчез, а я вернулся назад.

Упадок, от безнадёжности того положения, в которое я сам себя загнал, в попытке выйти чистым и сухим из грязного болота, привели обратно в ту злосчастную квартиру. Как кукла на верёвочках я следовал за убеждением, что смогу сделать мир лучше, только если избавлю его от себя. Никто в мире не желал исчезнуть больше, чем я. Тело Н всё ещё лежало, держа в запутанных пальца пистолет. Его блеск, не потухший даже от багровых капель, манил будто лекарство от нестерпимой боли.

Опустившись на колени, я стал скрести воздух, в попытке добраться до заветного клада, но моя бесплотная масса лишь рассекала пространство. Если бы я мог плакать, давно бы уже затопил этот мир. Но, выдавив только пару страдальческих гримас, в этой обстановке я выглядел так, словно оплакивал друга.

Я успокоился и почувствовал за спиной уже знакомое ощущение.

– Его ждёт ад? – спросил я, переживая за душу обречённого на ошибку.

– Смотря, что такое ад. Вечные страдания дарует не ад, а то, что вы туда приносите.

Я обернулся, ожидая обнаружить укор в его спокойствии, но Гибель был крайне кроток. Всё ли время он был здесь? И зачем так возится с убийцей?

– Интересно, так значит ни рая, ни ада не существует?

– Вопрос терминологии. – он обвёл взглядом фигуру муж-

чины и многозначительно спросил – Думаешь, вы похожи?

– Нет. Он забрал одну душу, а я нет. – тут я осёкся – А где же душа девушки?

– Её уже забрали. Души не должны пересекаться после смерти, таковы правила.

– А как же те, что решили остаться как Л? Их же, наверняка, довольно много.

– Любые правила нарушаются. Но находясь так долго в небытие, они перестают быть теми, кем были. Так что вряд ли она встретит кого-то вменяемого.

– Может ей ещё можно помочь?

– Кто знает. Впрочем, это последнее решение человека, а для многих и единственное за жизнь, так можно ли им в этом отказывать? – он прав, это далеко за пределами моего понимания, стоит ли в это лезть. – Покончить с собой не получилось?

Почему-то его безмятежность меня пугала. Казалось, я привык только к словам, а его безмолвный дух, вечно стоящий за спиной, страшил как взгляд большого брата.

– А это вообще возможно?

– Нет. Ты жнец, а значит бессмертен.

– Значит, только, когда я закончу? – обречённо выдавил я. – А что, если все подряд будут отказываться уходить? Ты же видишь, из меня никудышная смерть с косой.

– Тот, кому следует уйти, уходит, и исключений нет, а ты здесь, значит так должно быть.

– Что это значит? Разве человек может стать бессмертной сущностью?

– Все души бессмертны, смертно лишь тело, у твоего духа долгий путь.

– Значит, если убить тело, душа будет дальше скитаться вечность?

– Для кого скитание, а для кого познание.

Он снова исчез, оставив меня наедине с бесконечными вопросами.

Следующее имя. К. При мысли о нём, мне виделось покрывало в горошек, у меня в детстве было похожее. Я слышал смех друзей из школы и чувствовал запах печенья. Но это были лишь воспоминания, ибо запахи я больше не ощущал. Найдя нужную дверь, я замедлил. Так странно и жутко было в такие моменты, когда не знаешь, что дальше, но точно понимаешь, что ничего хорошего. Я набрался смелости и прошёл сквозь дверь.

Это была детская, огромная комната с кучей игрушек, что красиво стояли на полках, будто в них никто не играл. У дальней стены стояла кровать, к которой вели трубки и провода от медицинских аппаратов, заполонивших всё вокруг. Я подошёл ближе, под одеялом в горошек лежал мальчик, лет девяти. Его кожа сияла бледностью, под глазами мешки в пол лица, но губы застыли в лёгкой улыбке, будто это обычное летнее утро. На тумбочке возле кровати стоял поднос с завтраком, от чашки исходил пар, а рядом лежали костыли,

все в пыли.

Я коснулся его плеча, и К резко вскочил с постели, он завопил и стал бегать по комнате. Если бы живые люди нас слышали, он без труда поднял бы всю улицу. Но теперь его мог слышать только я.

Его радостный смех скрёб по сердцу. Как объяснить ребёнку такие сложные вещи? Ребёнку, который просто хочет веселиться.

– Набегался, К? – спросил я, когда скорость мальчишки слегка убавилась.

– Разве можно когда-нибудь набегаться? Это же так здорово!

Он улыбался мне, словно я был самым значимым человеком в мире. Эта детская непосредственность напомнила мне о сыне, который тоже любил меня, несмотря ни на что.

– Ты понимаешь, что произошло? – К лишь развёл руками и невинно улыбнулся. – Ладно, нам с тобой пора.

– Куда?

Горло сдавило, руки сжались в кулаки, а голос задрожал.

– В одно хорошее место. – я как мог выдавливал из себя улыбку.

– Там можно будет бегать?

– Конечно, а ещё прыгать и кричать.

– А мама там будет?

"Когда-нибудь" – подумал я, но лишь кивнул.

В конце, как всегда, явился Гибель, но стоило мальчи-

ку уйти, как я потерял контроль, оставив лишь притворную улыбку.

– Это сложно, я не могу больше. Это выше моих сил. – я судорожно нащупывал на голове волосы, которых больше не ощущал – Я слабак, понимаешь, я слабак и не могу. – если бы я что-нибудь чувствовал, я бы разорвал это, волосы, одежду, язык, не важно, я уничтожил бы всё.

– Ты должен.

– Почему вы не хотите убить меня?

– А почему ты думаешь, что я должен непременно хотеть кого-то убивать? Вы люди постоянно наделяете всё вокруг какими-то качествами. А правда в том, что ни мне, ни самому Богу дела до вашей смерти нет.

– В чём же тогда смысл?

– В естественном порядке, за одной жизнью следует другая. Но для тебя, за жизнью следует только смерть.

– Разве это не так?

– Смерть – это всего лишь переход из одного состояния в другое.

– Наверное, это и страшно, неизвестное размытое будущее.

– Как это по-людски, бояться неизведанного. Впрочем, кому надо – всё поймёт. Но ты должен продолжать работу.

М.

Меня ждал маленький домик на окраине города с прекрасным, но потухшим садом. Внутри в глаза сразу броси-

лось атмосфера увядания. Засохшие цветы, пыль на шкафах и скрипучие полы. В отличие от других мест, где я успел побывать, здесь былолюдно, но спокойно. В центре зала на кресле, укутанная пледом, сидела бабушка. Седые пряди спадали на осунувшееся лицо, а глаза чуть прикрыты, словно она просто задремала. Рядом сидела молодая женщина, она плакала и поправляла старушке волосы.

Я подошёл поближе, чтобы почувствовать, где могла находиться моя спутница, женщина взяла бабушку за руку и крепко сжала. Люди вокруг суетились, но плавно и тихо, будто боясь её разбудить.

– Наконец-то вы пришли, долго же я вас ждала. – послышалось за спиной.

– Вы ждали? Разве можно ждать этого?

– Конечно, милый. Приходит время и ждёшь исход. Это ведь естественно.

Естественно. Как странно это слово теперь. Её улыбка вызвала умиление, отчего я не смог сопротивляться своей.

– Позвольте? – я подал ей руку, словно джентльмен, приглашая на танец.

– С удовольствием.

Уже почти у самого света она остановилась:

– Чуть не забыла. Я должна вам кое-что передать. Когда я уснула, то почувствовала, что кто-то идёт за мной, и в голове зазвучало отчётливо, будто послание. – она положила руку мне на плечо и, одарив улыбкой, произнесла – Не опускай

руки.

После бабушки мне стало значительно проще видеть смерть и её последствия. Я не потерял чувствительность, так присущую людям, но стал лучше понимать Гибель и его равнодушие. Казалось, в мире, где столько страсти, только его спокойствие помогает разглядеть во всем суть. Я так и не понял, чего он хотел от меня и зачем весь этот балаган, но, после своего последнего перешедшего человека, я решил продолжить работать на него, но с условием, что он расскажет мне больше и даст увидеть, каков всё-таки этот мир, и что ещё в нём обитает.

– Вот этого от тебя и хотели. – спокойно, даже мягко, сообщил Гибель.

– Чтобы я стал жнецом?

– Нет, чтобы ты понял.

– Получается, я был рождён, чтобы умереть и помогать другим?

– Нет, но это часть твоего пути. Никто не рождён для чего-то, но это что-то создано для того, чтобы каждый смог пройти намеченное.

Он всё ещё говорил загадками, и я не всегда мог его понять. Впрочем, я осознал, что, пожалуй, и не должен всё понимать.